

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

П. Б. СТРУВЕ

Пророк русского духовного возрождения

<...> Один английский автор, написавший весьма серьезную книгу о Достоевском, сказал, что у Достоевского не было жизни¹. Трудно было произнести суждение более превратное. У Достоевского не было, быть может, биографии, но у него была жизнь, исключительная по напряженности, ибо до краев полная самым основным религиозным содержанием, жизнь вовсе не только писательская или литературная. Мы можем об этой жизни только догадываться, ибо он поведал ее нам лишь в объективных образах и проблемах своих романов.

Но их объективность не только не есть протокольность, она есть даже чисто художественное изображение чего-то вне их творца существующего. Личный душевный опыт Достоевского воплотился в фигуры и драмы его произведений: то, что думают и делают его «герои», этим жил и он сам, над этими безднами он сам стоял, не отвлеченно, не «воспроизводя» их, как воспроизводили драмы жизни другие художники, а в самом подлинном смысле слова. Раскольников это не произведение Достоевского, это сам Достоевский. Но еще вернее, что Карамазовы — это Достоевский. Соберите Карамазовых, Федора Павловича, Ивана, Дмитрия и Алешу, и вы получите Достоевского. Или иначе: разложите Достоевского на отдельные стороны его страшно сложной природы и вы с изумлением, я даже скажу — с содроганием увидите перед собой Карамазовых. «Братья Карамазовы», а не «Преступление и наказание», как думал Розанов, и являются основным произведением Достоевского: в нем он сложил и воплотил свой личный религиозный опыт, свою страшную борьбу с Богом и за Бога, свое неверие и свою веру, свое безбожие и свое благочестие, свою смрадную греховность и свою страстную жажду очищения и чистоты. Он в своей душе носил касание этих полярностей, враждебных и в то же время родственных. Но носил

и переживал это касание не как эстетическую психологическую игру, а как религиозную, жизненную реальность, в которой исход один: Бог. Как могут сосуществовать грех и Бог, страдание и Бог, несправедливость и Бог — этим вопросом мучился Достоевский, в эту загадку он хотел проникнуть. Одна мысль была — отвергнуть Бога. Вне всяких сомнений, много раз Достоевский подходил к этому решению. Но он принял Бога, и это принятие Бога — трудное и в то же время радостное — есть главная тема не то что его произведений, но всей его жизни, с ее страстями и борениями, с ее муками, с ее падениями и восторгами.

Достоевский был великим грешником в том реальном смысле, в каком ими бывали Фивиадийские и иные христианские старцы. И его писательство было его *послушанием*. Не в переносном, а в самом совершенно реальном религиозном смысле, в каком монахи налажали и налагают на себя послушание. Кто знает, быть может, Достоевский под конец жизни также пришел бы к подлинному иночеству, как это сделал другой великий религиозный мыслитель Константин Леонтьев². Достоевский пришел трудным и скорбным путем, путем греха и борьбы к Богу, ко Христу, к церкви. Он стал верующим христианином, православным. Это не есть какое-либо «случайное» и несущественное «биографическое» дополнение к его художественной деятельности. Наоборот, художественное творчество в процессе душевного опыта Достоевского стало лишь своеобразным, для него лично естественным и необходимым выражением его религиозного послушания. А это религиозное послушание было для него главным итогом его жизни, было, в сущности, его жизнью. Только так можно понять Достоевского. Его писательство и его вера тесно связаны с его жизнью и с его грехом. Алеша, брат Ивана и Мити, рожденный Федором Павловичем и благословленный старцем Зосимой — это не литературная «выдумка» Достоевского, в этом рассказе о Карамазовых он поведал нам свой религиозный опыт, опыт греха и покаяния, отвержения Бога и его приятя.

Достоевский — громадное религиозное явление, как бы учитель веры и отец церкви в оболочке великого светского писателя многосоставной культурной эпохи. Как таковой он гораздо больше и сложнее, а потому и труднее для понимания, чем великие пророки и учителя веры прежних времен. По существу и в конечном итоге он относится к ним. Его философское и политическое мировоззрение — Достоевский великий борец против атеизма, материализма и социализма — может быть понято тоже как источник его религиозной веры. Он был националистом во имя

Бога, ибо в национальном призвании России он видел подлинный зов Божий.

Достоевский по своему социально-политическому мировоззрению был противником в одно и то же время и социализма, и буржуазного либерализма, покоящегося на материализме и утилитаризме. Ни с религиозно-метафизической, ни с исторической точки зрения в этом нет ничего странного. Буржуазный космополитический радикализм в духе Гольбаха³, Гельвеция⁴ и Бентама⁵ родил атеистический социализм в духе Оуэна⁶ и Маркса. Достоевский, будучи враждебен буржуазному радикализму и атеистическому социализму, был своеобразным русским христианским социалистом.

Принципиально менее понятна его враждебность к католицизму и католической церкви. В этой враждебности была некая историческая и национальная ограниченность, непонятная с той принципиально-церковной точки зрения, на которой в конце жизненного пути утвердился Достоевский. Я имею в виду не его Легенду о Великом инквизиторе, которую нельзя принимать за облаченное в образы отвержение католичества как такового, а ту вполне конкретную враждебность к римской церкви нашего времени, которая так ярко выразилась на многих страницах «Дневника писателя». Теперь совершенно ясно, что Достоевский именно со своей собственной религиозной и церковной точек зрения недооценивал значения церковного и социального дела римского католицизма. Это тем более ясно, что Достоевский был, несомненно, христианским социалистом и в то же время был чужд протестантизма с его религиозным субъективизмом. Таким образом, уклон его практических церковно-религиозных устремлений был как раз очень близок духу новейшего социального католицизма. Если бы Достоевский жил в наше время, его отношение к католицизму было бы совершенно иным — не надо ведь забывать, что в своей враждебности к католицизму в 70-х годах XIX века он доходил до сочувствия Бисмарковскому культуркампу⁷ и до сопоставления римской церкви с социалистическим интернационалом. Эта исторически обусловленная враждебность Достоевского к католичеству вовсе не вытекала необходимо из его православной религиозности, и последняя для него была действительно характерна. Католическая, православная, протестантская религиозность суть разные типы христианской религиозности вообще, и религиозность Достоевского была именно православной, и притом русско-православной. В ней не было организационной суровости ни римско-католической,

ни даже византийской. Недаром византийцу Константину Леонтьеву⁸ эта религиозность представлялась каким-то «розовым христианством», чуть что не гуманизмом, прикрывающимся христианством⁹. Это было не так: в старце Зосиме, а потом и в Достоевском больше религиозной русскости, чем в Константине Леонтьеве, который умер иноком Оптиной пустыни. Бывший фюрерист и поклонник Жорж Санд¹⁰, Достоевский стал настоящим столпом православной веры и выразил в своих произведениях дух православной веры; и выразил в своих произведениях дух православия с исключительной единственной силой. Если в каком-нибудь историческом явлении выразилось положительное мировое значение русской национальной и вероисповедной стихии, то именно и прежде всего в грандиозном духовном явлении Достоевского. Будучи по духу православным и русским, Достоевский в то же время и именно поэтому получил мировое значение и признание.

Для нас, русских, в этом великое поучение и великое утешение. Столетие рождения Достоевского совпадает с ужасной катастрофой русского государственного и национального бытия. И исцеление от язв этой прежде всего духовной катастрофы русское сознание найдет в самом духовном явлении своей новейшей истории, в Достоевском. Он возвращает русское сознание к его подлинным источникам, он наполняет его живой водой.

Достоевского Мережковский называл «пророком русской революции»¹¹. Это верно в самом точном смысле слова. Теперь мы уже знаем, что Достоевский воистину предрек русскую революцию во всем ее духовном происхождении и существе. «Бесы» не только роман, а в некоторых своих частях написанная пророческая книга, подобно которой нет ни в какой другой литературе*. Но в какой литературе есть что-либо подобное «Братьям Карамазовым»? Не является ли Достоевский, как пророк и духовный вождь, пророком не только русской революции, но и русского духовного возрождения?

Да, он таков. Ибо возвещать возрождение и подлинно возродить могут только носители религиозного света.

А великий грешник и страдалец Достоевский носил в себе и высоко вознес для других этот вечный светильник.

* Ибо даже с чисто положительно-исторической точки зрения «Священное Писание» не может быть сопоставлено с индивидуально литературным произведением.